

УДК 930

**ПОНЯТИЕ КОЛОНИЗАЦИЯ В ТРУДАХ
СОВРЕМЕННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

Г.В. Ибнеева, И.А. Попов

Аннотация

Предметом исследования является употребление в современной англо-американской историографии русской колонизации конца XVI – конца XVIII в. следующих понятий: *колонизация, освоение, заселение, присоединение* и др. Проанализировано их смысловое наполнение, а также аутентичность перевода на английский язык. В статье подчёркивается, что использование того или иного термина в отношении территориального расширения России обозначает идеологическую позицию автора, который его употребляет.

Ключевые слова: англо-американская историография, колонизация, внутренняя колонизация, континентальная колонизация, колонии, империя.

В исследовании историографии русской колонизации особого внимания заслуживает вопрос об использовании историками понятия *колонизация* и связанных с ним терминов. Выяснение смысла, который они вкладывают в эти термины, помогает лучше понять идеологические и концептуальные построения авторов, а также проанализировать соответствие используемых понятий рассматриваемым реалиям.

Вопрос об аутентичности применяемых терминов особенно актуален при изучении зарубежной историографии. Ведь помимо концептуального анализа понятий возникает проблема их правильного перевода на русский язык. Другим аспектом этого вопроса является изучение адекватности перевода иностранными авторами терминов, используемых в русской историографии. Довольно часто различное понимание и неправильный перевод термина приводят к возникновению дискуссий и разногласий в научном сообществе, а также к формированию ошибочных представлений о позиции исследователя и его взглядах на исторический процесс. Различия в употреблении терминов в английском и русском языках создают большие сложности для правильной интерпретации концепций и идей англо-американских авторов. Цель данной статьи – ответить на следующие вопросы: какие термины используют англо-американские исследователи при описании русской колонизации конца XVI – конца XVIII в.; каково их смысловое наполнение.

Наиболее важным и принципиально значимым понятием, связанным с историей русской колонизации, является само слово *колонизация*. Кроме того, большое значение для понимания концепции исследователя имеет изучение

всех сопряжённых с этим понятием терминов, таких как *освоение*, *переселение* и т. д. Для того чтобы представить полный спектр смыслов, которыми наделяются указанные термины в современной англо-американской историографии, необходимо проследить эволюцию их использования.

В большинстве своём зарубежные исследователи, изучающие русскую колонизацию XVII и XVIII вв., опираются на труды российских авторов и, соответственно, используют сходную терминологию. Таким образом, одним из ключевых вопросов для понимания семантики обозначенных терминов в работах англо-американских историков является изучение российской терминологической традиции.

Начать необходимо с понятия *колония* как лингвистического и семантического корня *колонизации*. В различные эпохи термин *колония* в русском государстве понимался по-разному. Так, в российском обиходе XVIII столетия он обозначал не завоёванные территории, а отличный по национальности анклав или сельское поселение, существующее в рамках Российской империи, в частности территорию, заселённую иностранцами. Указ об иностранной иммиграции 1763 г., например, отмечал, что иностранцы могли свободно «селиться в империю» «колониями и местечками» [1, с. 410]. Вновь приобретённые территории, в свою очередь, никогда не описывались как колонии. *Колонистами* называли в основном иностранцев, а российские подданные (именно российские, а не русские) именовались *заселенцами*, *поселенцами* и прочими схожими по смыслу словами. В Европе в то же время укрепилось понимание колоний как земель, «что были основаны духом торговли и обогатили метрополию» [2]. Именно такое определение давал в своей знаменитой «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремёсел» французский писатель и философ-просветитель XVIII в. Дени Дидро.

С течением времени расхождения в понимании термина *колонизация* только увеличивались. В России он ассоциировался с захватом европейскими странами новых земель, экономической экспансией и приобретал негативный оттенок. На западе же исследователи, проводя параллель между расширением государства и построением колониальных империй Европы, стали применять понятие *колонизация* по отношению к действиям России и тем самым переносить смысловую нагрузку этого термина на российскую почву. Данный процесс связан прежде всего с развитием в начале XX в. так называемой Калифорнийской исторической школы и её активной деятельностью в области изучения истории русской колонизации. Понятие *колонизация* активно употреблялось и в трудах таких известных исследователей русской истории, как Р. Пирс и Дж. Ланцев.

Данный термин при описании российских процессов англо-американские исследователи используют по крайней мере по трём причинам. Во-первых, его применяли многие российские историки, на труды которых они опираются. На страницах работ англо-американских авторов содержится большое количество ссылок на курс лекций В.О. Ключевского [3], очерки по истории колонизации и заселения С.В. Бахрушина [4; 5] и произведения других российских дореволюционных исследователей. Таким образом, можно сказать, что работы В.О. Ключевского, С.В. Бахрушина, а также С.М. Соловьёва и П.Н. Милюкова стали отправной точкой развития англо-американской историографии русской

колониализации. Калифорнийская историческая школа, которая во многом задавала тон американской историографии русской колонизации и долгое время развивалась в отрыве и даже в отрицании советской исторической науки, на самом деле опиралась на идеи дореволюционных российских историков. Такие известные её представители, как Ф. Голднер и Р. Дж. Кернер, в своих трудах во многом придерживаются концепции колонизации России В.О. Ключевского. Естественно, это повлияло на то, какие термины они использовали. Кроме того, в начале XX в. российская и американская исторические науки развивались параллельными курсами, как это утверждает Марк Бассин в своей работе «Тёрнер, Соловьёв и “Гипотеза фронта”: национальные смыслы открытого пространства» [6].

Во-вторых, в основной своей массе зарубежные историки воспринимают расширение Российского государства и образование западноевропейских колониальных империй как идентичные процессы. Это выражается в повсеместном сравнении формирования Российской империи с империями европейскими. По мнению большинства американских исследователей русской колонизации, все европейские империи действуют по одним и тем же законам; колониальные захваты Испании, Великобритании, Франции преследуют те же цели, что и российская экспансия. Особенно ярко подобные сравнения прослеживаются у достаточно одиозного американского историка Джона ЛеДонна, который даже проводит аналогию имперских амбиций России с Римской империей [7, р. 143]. Таким образом, континентальный тип Российской империи приравнивается к колониальным европейским империям, что в целом приводит к упразднению дифференциации в типологии империй.

И, в-третьих, значение термина *колонизация* в английском языке (*colonization*) отличается от его русского аналога. В английском языке это понятие имеет более широкое толкование и насчитывает не так много синонимов с агрессивным смыслом, которые существуют в русском языке. Кроме того, в английском языке данный термин чаще используется в естественных науках, чем в исторических, и имеет более широкое употребление в медицинском контексте.

Принимая во внимание тот факт, что процессы колонизации весьма отличались не только между разными государствами, но и в рамках одной страны, употреблять термин *колонизация* без дополнительного уточнения или создания какой-либо классификации некорректно. Вследствие этого предпринимались различные попытки классификации этого термина.

Самая распространённая в современной историографии классификация опирается на стремление отделить процессы европейской экспансии от русского территориального расширения при помощи разграничения *заграничной* и *континентальной* колонизации [8, р. 267]. Тем самым подчёркивается одновременно и уникальность русской колонизации, и её близость к другим империям, которые имеют колонию в рамках одного материка. Одним из главных сторонников подобного разделения является Альфред Рибер. Основное различие между *континентальной* и *заграничной* колонизацией он видит даже не в том, что они происходили в разных географических пространствах, а в том, что им свойственна разная степень включённости местного населения в данный процесс. В отличие от жителей морских империй, подчёркивает Рибер, участвовавшие в русской колонизации народы, несмотря на то что имели сильные региональные

различия и относились к разным культурам, в итоге представляли собой единую нацию, объединённую русской культурой и языком [8, p. 265].

Определение *континентальная колонизация* имеет широкое применение в современной англо-американской историографии в отношении русского территориального расширения. Однако его уязвимость заключается в том, что оно не объясняет отличий типа Российской империи от других колониальных империй, таких как Австро-Венгрия и Османская империя. Исходя из этого, можно сделать вывод, что территориальные особенности колонизации не являются основным характеризующим фактором российского расширения и, как следствие, термин *континентальная колонизация* не полностью его описывает. Таким образом, данный термин представляется слишком широким, чтобы максимально точно отобразить многогранный процесс российской колонизации и стать основным понятием англо-американской историографии русской колонизации.

Современные зарубежные авторы, подчёркивая уникальность русской колонизации, всё больше настаивают на использовании понятия *русская колонизация* как отдельного термина [9, p. 8]. Это объяснялось во многом неоднородностью движущих сил процесса колонизации как в социальном, так и этническом и конфессиональном отношениях. Так, Николас Брейфогль, обращая внимание на акторов колонизационного процесса, замечает, что русская «колонизация была осуществлена потрясающе разнообразным набором поселенцев (русские, нерусские, иностранцы, торговцы, крестьяне, военные, городские рабочие, религиозные инакомыслящие, политические диссиденты, преступники, женщины, мужчины и целые семьи). Причём проходила она при различных обстоятельствах (изгнание, бегство или добровольное “переселение”) и проводилась в различных географических и климатических условиях. Фактически российская колонизация разворачивалась с таким роскошным разнообразием, что более правильно говорить о российских колонизациях во множественном числе» [9, p. 7].

Таким образом, автор показывает качественное отличие русской колонизации от всех остальных. Она была единственной многонациональной колонизацией, вследствие чего Брейфогль предлагает не объединять все эти процессы под одним именем, а, наоборот, разложить их на составляющие, ставя при этом особенность каждого колонизационного процесса в прямую зависимость от его национального состава. Он не отказывается от самого понятия *колонизация*, но предлагает трактовать его как можно шире. Следовательно, по Брейфоглю, процессы расширения Российского государства столь разнообразны, что становится затруднительным использовать один точный термин и более общее понятие *колонизация* остаётся как наиболее многозначное. Использование концепции множественности колонизаций избавляет исследователей от проблемы обобщения понятий и поиска общего между различными процессами. Однако простота данного пути чревата скатыванием в микроисторию, а уход от обобщённых понятий грозит потерей общего видения исторического процесса.

В традиции зарубежной историографии существует также классификация, основанная на разделении на *внешнюю* и *внутреннюю* колонизацию (термин *Inner Colonization* широко распространён в немецкой историографии и не только). Понятие *внутренняя колонизация* в широком смысле означает заселение новых территорий в рамках существующих национальных границ. Оно часто используется

зарубежными исследователями в отношении не только России [10], но и других стран. Кроме того, данный термин нашёл широкое применение и в социологии благодаря прежде всего работам Юргена Хабермаса [11]. Следует также заметить, что именно в силу авторитетности и распространённости идей Хабермаса термин *внутренняя колонизация* в современной историографии употребляется многими англо-американскими исследователями русской колонизации. Столь широкое употребление этого понятия и, как следствие, множественность его различных интерпретаций приводят к необходимости анализа смысла, который в него вложил каждый конкретный автор. Кроме того, попытки объяснить русское территориальное расширение, ограничиваясь только термином *внутренняя колонизация*, также не приводят к воссозданию целостной картины происходившего, поскольку история колонизации России представляет собой сложное сплетение внутренней и внешней колонизации, при котором отделить одну от другой становится практически невозможным [12, р. 4–5]. В силу этого указанное понятие в англо-американских исследованиях носит комплексный характер и включает в себя в том числе и процессы, которые принято относить к колонизации внешней. Таким образом англо-американские историки стараются подчеркнуть ведущую роль внутренней колонизации в сложном и многогранном процессе территориального расширения России.

На противоречивости употребления термина *внутренняя колонизация* в отношении российской истории особенно настаивает американский исследователь Виллард Сандерленд. Он подчёркивает, что данный термин был введён в употребление ещё российскими дореволюционными авторами, в частности В.О. Ключевским. Основным же мотивом использования ими этого термина, по мнению Сандерленда, было стремление утвердить мысль о территориальном расширении российского государства как о некоем естественном процессе – части неизбежного национального развития. Таким образом, считает американский историк, происходит легализация захватнической политики российского государства. Сращивание концепции внутренней колонизации В.О. Ключевского с немецким термином *inner Colonization*, а вслед за ним и с английским *internal colonization* привело к ещё большему отдалению восприятия русской колонизации от представления её как политики насильственного захвата. Вследствие этого употребление термина *внутренняя колонизация* в отношении русского территориального расширения, по мнению В. Сандерленда, не является единственно верным, хотя он и признаёт, что такое наименование позволяет проводить аналогии с развитием других колониальных империй Европы того времени [12, р. 3–4]. В подобных рассуждениях ясно прослеживается общая черта концепций англо-американских историков – подчёркивание агрессивных проявлений русской колонизации.

В современной англо-американской историографии также в большой степени распространены попытки классификации термина *колонизация* на основе принципа применения военной силы. Это приводит к разделению на *военную* [13, р. 73] и *мирную* колонизацию [14, р. 149]. Под понятием *военная колонизация*, как правило, скрывается рассмотрение истории русской колонизации как перманентного военного конфликта. В большинстве случаев основным агрессором выступает российская сторона, которая достигает своих целей расширения

территории государства силовыми методами, используя при этом своё военное превосходство над противником. Расположением военных сил и эволюцией российской армии объясняет расширение территории России, к примеру, Брайан Девис [15]. С другой стороны, термин *военная колонизация* часто употребляют последователи концепции С.М. Соловьёва, суть которой заключается в том, что расширение российского государства – это ответ на вызов, борьба с агрессией соседей, и его целью была защита мирного населения. Подобное видение процесса русской колонизации по-прежнему находит большое количество сторонников в сообществе англо-американских историков, среди которых можно назвать Метью Романелло и Брайана Боека [16]. Следует отметить, что милитаристская концепция русской колонизации выглядит довольно стройно и обоснованно, однако всё же не отвечает на все вопросы и не позволяет представить все исторические факты последовательно в русле одной теории.

Другой тип классификации понятия *колонизация* основывается на изучении объекта колонизации, то есть на выяснении того, кто был основным действующим лицом колонизации. Исследователи, которые уделяют основное внимание именно этому вопросу, вводят в употребление термины *государственная колонизация* и *народная, крестьянская колонизация* [17, р. 131]. Эти определения прежде всего несут в себе цель охарактеризовать отдельные процессы территориального расширения Российского государства. Так, Дэнис Шоу объясняет стремительное продвижение русских на восток и юг превосходством их развитой формы оседлого земледелия над формами хозяйствования других граничащих с ними народов [17, р. 131]. Данная концепция получает всё большее распространение в среде англо-американских исследователей не только по причине устойчивого влияния идей экономического детерминизма в западном сообществе, но и вследствие усиливающегося внимания учёных к «народной истории». В связи с этим термин *колонизация* начинает бесконечно дробиться в зависимости от рассматриваемого конкретным автором объекта колонизации, будь то отдельное сословие, класс или народность.

Таким образом, использование термина *колонизация* в отношении истории России вызывает сложности, поэтому не оставались попытки избежать его употребления.

В советской исторической науке старались отойти от понятия *колонизация* и заменить его на слова, которые не имели бы столь негативных коннотаций и не ставили бы в один ряд расширение российского государства с колониальными завоеваниями стран Европы. Вслед за советскими историками эту терминологию перенимали и зарубежные исследователи. Однако здесь очень важным оказался вопрос аутентичности перевода, поскольку довольно «миролюбивые» термины на русском языке получали агрессивное звучание при переводе на английский язык и наоборот.

Один из самых распространённых терминов, применяемых советскими учёными в отношении колонизации Сибири, – это *освоение*. Он был выбран как относительно нейтральный и к тому же содержащий положительные коннотации, связанные с цивилизаторским влиянием проникновения русских на территорию Сибири. Зарубежные же историки, употребляя это понятие, переводят его на английский язык как *assimilation*, как мы можем это наблюдать, например,

у Базиля Дмитришина [18, р. 19]. При этом, используя данный термин, они наполняют его именно тем смыслом, который в него вкладывали советские историки, что хорошо прослеживается по ссылкам на их труды. В русском же языке английское слово *assimilation* обычно переводится в соответствии с прямой транскрипцией как *ассимиляция*. Таким образом, при переводе на русский язык работ англоязычных авторов, посвящённых русской колонизации, возникает заблуждение об использовании ими более агрессивной риторики.

Аналогичная ситуация обстоит и с термином *присоединение*. Используя его, советские историки старались показать расширение российской территории как процесс, происходящий естественным путём без кровопролития. В английской же версии он звучит как *annexation* [19, р. 37]. Ситуация повторяется: англоязычные исследователи вкладывают в этот термин смысл, соответствующий *присоединению*, а на русский язык термин переводится, как захватническая *аннексия*.

Возникает некоторое недопонимание и при переводе ряда других понятий. К примеру, русский термин *сближение* переводится как *reapprochement* [19, р. 37], что чаще всего в английском языке означает *восстановление отношений*. Вследствие этого становится понятным, отчего англо-американские историки считают его некорректным. Однако, что касается терминов *покорение* и *завоевание*, то здесь особых противоречий не наблюдается, и переводятся они вполне адекватно, как *subjugation* и *conquest* соответственно. Справедливости ради необходимо заметить, что два последних термина англо-американскими авторами употребляется намного чаще, чем все остальные.

Помимо понятий, имеющих точное соответствие в русском и английском языках, англо-американские исследователи активно используют слова, которые не имеют прямого аналога в русском языке. Особый интерес вызывает употребление термина *settlement*, который является одним из самых распространённых в англо-американской историографии при рассмотрении территориального расширения России. Он имеет широкий диапазон смыслов и переводов, начиная от *колонии* и заканчивая *урегулированием* и *успокоением*. От правильного понимания смысла, который вкладывают авторы в данное слово, зависит восприятие общей интонации всей работы. Этот термин употребляется англо-американскими историками по большей части в отношении колонизации Причерноморской степи. Учитывая указанный факт и наличие ссылок на труды советских авторов [12, р. 88–89], можно заключить, что в большинстве своём термин *settlement* в работах англо-американских историков употреблялся в значении *заселение территории*.

В некоторых случаях англо-американские исследователи используют термины, применение которых свойственно для описания других эпох. По сравнению с вышеперечисленными гораздо реже употребляются, но всё же имеют место такие определения расширения российского государства, как *террор* и *геноцид* [20, р. 67]. В подавляющем большинстве случаев использование таких терминов ничем не обосновано и является следствием малоизученности темы и подверженности влиянию эмоций и стереотипов. Ярким примером этого могут служить работы Марии Беннингсен Броксап, в которых присоединение Кавказа к России в XVII – XVIII вв. называется первым геноцидом в истории человечества. Её выводы основываются прежде всего на показателях численности

коренных народов и русских переселенцев. Увеличение числа русских на Кавказе, по её мнению, является прямым показателем проявления геноцида в отношении коренного населения [21, р. 4]. Даже если рассматривать этот показатель как основной признак геноцида, то присоединение Кавказа никак не может быть первым его проявлением в мировой истории.

Вышеозначенный пример является характерным для англо-американской историографии в том плане, что суждения автора обуславливаются его идеологической направленностью. Естественно, что англо-американские исследователи при изучении истории русской колонизации не могут избежать влияния идеологии. Продолжительное противостояние стран Запада и СССР должно было наложить определённый отпечаток на столь щепетильную тему. Длительная культивация образа Российской империи, а вслед за ней и Советского Союза как «тюрьмы народов» привела к формированию представления о развитии русской колонизации как доминировании русского народа над всеми остальными – «завоёванными». Характерной чертой подобного подхода является рассмотрение истории русской колонизации с позиции «угнетённого» народа. Виллард Сандерленд [12] изучает колонизацию русскими Степи с позиции степных жителей; Михаила Ходарковского в завоевании Прикавказья интересует положение народов Предкавказья [22]; Джеймс Форсит апеллирует к истории коренных народов Сибири в контексте русской экспансии [23]. Однако в современной англо-американской историографии наблюдается тенденция отхода от идеологических стереотипов, дифференцируется само понятие *русская колонизация*, подчёркивается многонациональный состав колонизаторов. Это во многом отразилось в трудах Метью Романелло [13] и Николаса Брейфогля [9], основанных преимущественно на российских источниках.

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, история российской колонизации настолько сложна и многогранна, что не может быть обозначена одним понятием, которое бы полностью передало её суть. Во-вторых, практически все термины, используемые англо-американскими историками в отношении русской колонизации, имеют резонные основания для применения. В-третьих, встречается несоответствие используемых терминов историческим реалиям, к описанию которых они применяются, и вызвано это прежде всего влиянием идеологии на мнение автора. В-четвёртых, вследствие специфики перевода на английский язык многие термины претерпевают трансформацию смысла, заложенного в них, зачастую без желания на то автора и переводчика. В первую очередь это связано с различием языковой среды отечественных и англоязычных авторов. Из всего вышесказанного можно заключить, что тема русской колонизации, являясь весьма острой с политической точки зрения, требует очень тщательной работы в отношении употребления терминов. Использование неоднозначных определений и навешивание ярлыков, особенно если это касается перевода на иностранные языки и работы с зарубежной историографией, может привести к коренному непониманию не только позиции автора, но и сути излагаемого процесса.

Summary

G.V. Ibneeva, I.A. Popov. The Concept of Colonization in the Modern Anglo-American Studies of Russian History.

The article is concerned with the usage of the terms *colonization, assimilation, settlement, annexation*, etc. in modern Anglo-American historiography in relation to the Russian colonization of the late 16th – late 18th century. The semantic content of these terms and the authenticity of their translations into English are analyzed. The article demonstrates that the usage of this or that term with respect to the territorial expansion of Russia defines the ideological position of the author using it.

Keywords: Anglo-American historiography, colonization, internal colonization, continental colonization, empire.

Литература

1. Под стягом России: Сб. архивных документов. – М.: Рус. кн., 1992. – 432 с.
2. Колония // Статьи из Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Encycl/enc-21.htm>, свободный.
3. *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 431 с.
4. *Бахрушин С.В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Петроград, 1922. – Вып. 2. – С. 18–83.
5. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. – 199 с.
6. *Bassin M.* Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces // *J. Mod. Hist.* – 1993. – V. 65, No 3. – P. 473–511.
7. *LeDonne J.P.* The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004. – 261 p.
8. *Rieber A.J.* Colonizing Eurasia // *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* / Ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. – London; N. Y.: Routledge, 2007. – P. 265–279.
9. *Breyfogle N.* Russian colonizations: An introduction // *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* / Ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. – London; N. Y.: Routledge, 2007. – P. 1–18.
10. *Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. – Cambridge, UK: Polity Press, 2011. – 282 p.
11. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action: in 2 v. – Cambridge, UK: Polity Press, 1987. – V. 2. – 464 p.
12. *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2006. – 239 p.
13. *Romaniello M.P.* Grant, settle, negotiate: military servitors in the Middle Volga region // *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* / Ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. – London; N. Y.: Routledge, 2007. – P. 61–78.
14. *Barrett T.M.* Lines of Uncertainty The Frontiers of the Northern Caucasus // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Ed. by J. Burbank, D.L. Ransel. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1998. – P. 148–173.
15. *Davies B.L.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. – Danver: BRILL, 2012. – 364 p.
16. *Boeck B.J.* Imperial boundaries: Cossack communities and empire-building in the age of Peter the Great. – Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2009. – 270 p.

17. *Shaw D.J.B.* Southern Frontiers of Muscovy, 1550–1700 // *Studies in Russian Historical Geography* / Eds. J.H. Baler, R A. French – London: Acad. Press, 1983. – V. 1. – P. 117–142.
18. *Dmytryshyn B.* Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700 // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution* / Ed. by A. Wood. – London; N. Y.: Routledge, 1991. – P. 17–36.
19. *Collins D.N.* Subjugation and Settlement in seventeenth and eighteenth-century Siberia // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution* / Ed. by A. Wood. – London; N. Y.: Routledge, 1991. – P. 37–56.
20. *Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2007. – 500 p.
21. *Broxup M.B.* The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World. – London: C. Hurst & Co. Pub., 1992. – 252 p.
22. *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2006. – 278 p.
23. *Forsyth J.* The Siberian Native Peoples Before and After the Russian Conquest // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution* / Ed. by A. Wood. – London; N. Y.: Routledge, 1991. – P. 69–91.

Поступила в редакцию
10.03.14

Ибнеева Гузель Вазыховна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и стран ближнего зарубежья, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: guzel.ibneyeva@yandex.ru

Попов Илья Александрович – аспирант кафедры истории России и стран ближнего зарубежья, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: welcomin@yandex.ru